

Чарльз Диккенс

Наш приход

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
Д45

Д45 **Диккенс Ч.**
Наш приход / Чарльз Диккенс – М.: Книга по Требованию, 2012. – 38 с.

ISBN 978-5-4241-3316-9

ISBN 978-5-4241-3316-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Чарльз Диккенс
НАШ ПРИХОД

Глава I

Приходский надзиратель. Пожарная машина. Учитель

Как много мыслей заключено в одном этом коротком слове «приход»! Как часто за ним скрывается повесть о нищете и несчастье, о погибших надеждах и полном разорении, о неприкрытой бедности и удачливом плутовстве. Бедный человек с маленькими заработками и большой семьей едва перебивается изо дня в день, с трудом добывая семье пропитание; денег ему хватает в обрез, только чтобы утолить голод сегодня, о завтрашнем дне он не в состоянии позаботиться. За квартиру он вовремя не платит; срок платежа давно прошел, подходит второй платежный срок, он не может уплатить, — его вызывают в приход. Имущество описывают за долги, дети плачут от голода и холода, и самую постель, на которой лежит его больная жена, вытаскивают из-под нее на улицу. Что ему делать? К кому обратиться за помощью? К частной благотворительности? К добрым людям? Нет, конечно, — есть же у него свой приход. Есть и приходская канцелярия, и приходская больница, и приходский лекарь, и приходские чиновники, и приходский надзиратель. Образцовые учреждения, добрые, мягкосердечные люди. Умирает женщина — приход ее хоронит. О детях некому позаботиться — приход берет это на себя. Человек сначала ленится, потом уже не может получить работу — приход дает ему пособие; а когда нужда и пьянство сделают свое дело, его, тихого, неведомо что бормочущего идиота, сажают в приходский дом сумасшедших.

Приходский надзиратель — одно из самых важных, а быть может, и самое важное лицо среди местного начальства. Он, разумеется, не так богат, как церковный староста, не так образован, как приходский письмоводитель, и от него зависит не столь многое, как от первых двух. Тем не менее власть его очень велика, и он со своей стороны прилагает все усилия к тому, чтобы достоинство его высокой должности не пострадало. В нашем приходе надзиратель Симмонс — отличный малый. Одно удовольствие слушать, как в приемные дни он разъясняет глухим старухам существующие законы о бедных, стоя в коридорчики перед комнатой приходского совета; как повествует о том, что он сказал старшему церковному старосте и что тот сказал ему; и как «мы» (то есть приходский надзиратель и прочие лица) решили поступить в таком-то случае.. Убогого вида женщина, будучи вызвана в приходский совет, жалуется на крайнюю нужду, рекомендуясь вдовой с шестью малыми детьми.

— Где вы живете? — спрашивает один из попечителей.

— Снимаю комнату на третьем этаже по черной лестнице, добрые господа, у миссис Браун, номер три по переулку короля Вильгельма, она вот уж пятнадцать лет там живет, знает, как я тружусь, рук не покладаю; еще когда покойный муж был жив, господа, а помер он в больнице...

— Ну, хорошо, — прерывает ее попечитель, записывая адрес, — завтра утром я пошлю Симмонса, пусть проверит, правду ли» вы рассказываете; если правду, так вас, пожалуй, надо устроить в работный дом... Симмонс, завтра первым делом» ступайте к ней с утра, слышите?

Симмонс кланяется в знак согласия и выпроваживает женщину за двери. Ее прежнее восхищение «советом» (все они сидят, уставившись в большие книги, и все они в шляпах); не может сравниться с почтительным трепетом, который

внушает ей блистающий галунами провожатый; а ее рассказ о том, что происходило в приемной, еще усиливает, если только возможно, то почтение, которое вызывает толпа просителей этому важному лицу. Что же касается до вызова в суд, то, если за это берется Симмонс, как представитель прихода, — пиши пропало. Он знает наизусть все титулы лорд-мэра, излагает дело без единой запинки; говорят даже, как-то раз отпускал шуточки и, по словам старшего лакея лорд-мэра (который при этом присутствовал и по доверенности поделился мнением со своим приятелем), они ничем не хуже остроумия мистера Хоблера¹.

Стоит посмотреть на него и в воскресенье — в парадном мундире и треуголке, с длинным жезлом в левой руке для парада и коротенькой тростью в правой для работы. Как торжественно он разводит детей по местам! И как скромно и невинно посматривают на него мальчишки, когда все они уже уселись и он напоследок окидывает их особенно грозным взглядом, свойственным одному только приходскому надзирателю! После того как старосты и попечители должным порядком уселись на скамьи за занавесями, он садится и сам на скамейку красного дерева, сооруженную специально для него в проходе между скамьями, и внимание его делится между молитвенником и мальчишками. Вдруг, как раз в середине проповеди, когда паства погружена в глубокое молчание, нарушаемое только голосом священника, по всей церкви с удивительной ясностью раздается звон монетки, упавшей на каменный пол. Обратите внимание, сколько такта у приходского надзирателя! Невольное выражение ужаса мгновенно сменяется на его лице выражением полного равнодушия, как будто он один из всех присутствующих не слышал никакого шума. Хитрость удается. Осторожно вытянув вперед правую ногу, наподобие щупальца, мальчишка, уронивший монетку, после одной-двух попыток поднять ее, отваживается, наконец, нырнуть за нею, а надзиратель, обойдя свою жертву кругом и беззвучно подкравшись, приветствует круглую головенку, снова вынырнувшую из-под скамьи, градом ударов, нанося их той самой тростью, о которой мы уже говорили, к величайшему удовольствию трех молодых людей на соседней скамье, которые начинают громко кашлять и кашляют до самого конца проповеди.

Таковы некоторые черты, из коих можно видеть всю важность и солидность приходского надзирателя — солидность, ничем не нарушавшуюся во всех случаях, какие нам приходилось наблюдать, кроме тех, когда требовалось пустить в ход чрезвычайно полезный механизм — приходскую пожарную машину: тогда действительно творится бог знает что. Двое мальчишек со всех ног бегут к приходскому надзирателю и сообщают ему, что они своими глазами видели, как в трубе у соседней загорелась сажа; машину поспешно выкатывают из сарая, стгоняют к ней целый отряд мальчишек, и, припряженные к ней веревкам, они с грохотом волокут ее по мостовой, а надзиратель бежит, — мы не преувеличиваем, — бежит рядом; наконец, машина подкатывает к дому, вокруг которого сильно пахнет сажой, и приходский надзиратель стучит в дверь не менее полчаса, не теряя при этом солидности. Так как никто не обращает внимания на массу затраченного им ручного труда, а воду уже спустили, то пожарная машина поворачивает обратно под крики мальчишек и опять подкатывает к работному дому; а на другой день надзиратель закатывает выговор несчастному домовладельцу и взыскивает с него сколько полагается по закону. На настоящем пожаре нам пришлось видеть приходскую пожарную машину всего один раз. Она при-

была с невиданной скоростью, делая по крайней мере три с половиной мили в час, запас воды был солидный, и на место она явилась первой: заработал пожарный насос, толпа уже кричала «ура!», с приходского надзирателя градом катился пот; но, к несчастью, когда уже совсем собрались тушить пожар, обнаружилось, что никто не знает, как надо наливать воду в эту самую машину, и что восемнадцать мальчишек и один взрослый двадцать минут качали изо всех сил впустую, без всякого толку!

После надзирателя самые значительные лица в приходе — это смотритель работного дома и учитель. Приходский письмоводитель, как всем известно, коротенький, пухлый человек в черном, с толстой и довольно длинной золотой цепью, на конце которой болтаются две большие печати и ключ. Он ходатай по делам и вечно спешит, всего же больше тогда, когда устремляется на какое-нибудь приходское собрание, комкая в одной руке перчатки, а другой придерживая подмышкой большую красную книгу. Что же до церковных старост и попечителей, то их мы касаться не будем, ибо нам о них известно только то, что по большей части это потасованные торговцы, которые носят шляпы с полями, скорее плоскими, нежели загнутыми кверху, и что время от времени, выставив где-нибудь на видном месте в церкви извещение — золотыми буквами на синем фойе, — они сообщают нам о том важном обстоятельстве, что хоры подверглись перестройке и украшению, а орган — ремонту.

Смотритель работного дома в нашем приходе — да обыкновенно и в любом приходе — не из тех людей, у которых лучшая часть жизни уже позади и которые дотягивают последние годы на какой-нибудь маленькой должности, вспоминая о прошлом только тогда, когда чувствуют себя униженными и не слишком довольны настоящим. Мы никак не можем установить точно, какое положение занимал этот человек прежде; нам кажется, что он был чем-то вроде конторщика у какого-нибудь ходатая по делам, а может статься, и учителем в начальной школе, — но кем бы он ни был раньше, ясно, что теперь его положение изменилось к лучшему. Доходы его, конечно, невелики, о чем свидетельствует порыжелый черный сюртук с потертым бархатным воротником; зато ему не надо платить за квартиру, ему выдают уголь и свечи (строго ограниченное количество), и в своем маленьком королевстве он пользуется почти неограниченной властью. Он высок ростом, худ и костляв; всегда носит башмаки и черные нитяные чулки: и селя вы проходите мимо окон его квартиры, он смотрит на вас так, словно ему хочется, чтобы вы были нищий, — показал бы он вам тогда свою власть! Это замечательный тип мелкого тирана: угрюмый, злой, как собака, вечно не в духе; грубый с низшими, угодливый с высшими, смертельно завидующий влиянию и авторитету приходского надзирателя.

Наш школьный учитель являет собой полную противоположность этому любезному чиновнику. О таких людях, как он, нам иногда приходится слышать, — несчастная судьба словно отметила их своей печатью: за что бы он ни взялся, в чем бы ни принял участие, все это обречено на неудачу. Богатый родственник, который его воспитал, объявил во всеуслышание, что позаботится о нем, и оставил ему по завещанию десять тысяч фунтов, а потом в дополнительной приписке взял да и отменил эту свою волю. Познав таким образом необходимость трудиться ради хлеба, он нашел себе место в какой-то канцелярии. Молодые чиновники, ниже его по положению, мерли так, словно их косила чума; зато

старики, занимавшие места повыше, одно из которых он сам надеялся занять, жили себе да жили, словно бессмертные. Он начал играть на бирже — и проиграл. Опять пустился в спекуляцию и выиграл, но денег своих не вернул. Способности у него были большие, характер покладистый и щедрый, размах широкий. Приятели пользовались одной стороной его характера и злоупотребляли другой. Потеря следовала за потерей, несчастье за несчастьем; каждый день подводил его все ближе и ближе к грани самой безысходной нужды, а те из бывших друзей, которые всех горячее изъявляли ему свои чувства, стали до странности холодны и равнодушны. У него были дети, которых он любил, и жена, которую он обожал. Дети отвернулись от него, жена умерла с горя. Он поплыл по течению — это всегда было его недостатком, и у него не хватило мужества вынести столько ударов подряд, — он и прежде не умел заботиться о себе, а единственное существо, которое заботилось о нем в нищете и несчастье, было отнято у него судьбой. Как раз в это время он обратился к приходу за пособием. Один добрый человек, знавший его в более счастливые времена, оказался в том году церковным старостой, и с его помощью бедняга был назначен на должность учителя.

Теперь он уже старик. Из множества приятелей-собутельников, некогда толпившихся вокруг него ради веселой компании, одни умерли, другие пали так же низко, как и он, третьим повезло в жизни, но все они забыли его. К счастью, время и невзгоды ослабили его память, а привычка заставила притерпеться к своему новому положению. Кроткий, безропотный, усердный к службе, он был оставлен на своей должности и по прошествии законного срока; и нет сомнения, что он будет занимать место учителя до тех пор, пока болезни не подорвут его сил или смерть не освободит его. Когда этот седовласый старик в перемену между уроками шаркает своими слабыми ногами по солнечной стороне школьного двора, самым близким из его прежних друзей поистине трудно было бы узнать в приходском учителе своего старого приятеля, некогда беззаботного и счастливого.

Глава II

Младший священник. Старая леди. Отставной капитан

Предыдущую главу мы начали с описания нашего приходского надзирателя, потому что нам хорошо известно, какая это важная и почетная должность. Во второй главе вы прежде всего познакомитесь с лицом духовного звания. Наш младший священник, человек совсем еще молодой, наделен столь располагающей внешностью и столь обходителен, что через месяц после его приезда к нам одна половина наших юных прихожанок ударилась в набожность с сильным оттенком меланхолии, другая же предалась любовной тоске. Воскресная служба у нас в церкви никогда еще не собирала такого множества девиц, а щекастые ангелочки с надгробья мистера Томсона в боковом приделе никогда еще не видывали, чтобы на земле проявляли такое благочестие. Младший священник приехал к нам в двадцатипятилетнем возрасте и сразу же, покори́л всех нас. Он причесывался на прямой пробор, так что лоб его выступал из-под волос полукругом, наподобие норманской арки, носил кольцо с бриллиантом чистейшей воды на безымянном пальце левой руки (коей то и дело трогал левую щеку во время чтения молитв) и говорил густым заgrabным басом с чрезвычайно торжественными интонациями. Не было числа визитам к нему предусмотрительных мамаш, не счесть приглашений, которыми его одолевали и которые, надо сказать, он охотно принимал. Младший священник произвел сильное впечатление на свою паству, обращаясь к ней с кафедры, но когда он стал появляться в частных домах, симпатии к нему возросли в десятикратном размере. Скамьи в непосредственной близости к кафедре и аналою расхватывали в один миг, крайние места вдоль среднего прохода брались с бою, в первый ряд на хорах нельзя было протиснуться ни за какие деньги, и дошло даже до того, что трех сестер Браун, владелиц весьма незавидной фамильной скамьи позади церковных старост, обнаружили однажды в воскресенье на бесплатных местах у боковой двери, где они засели, подкарауливая младшего священника на его пути в ризницу. Вскоре он стал читать проповеди, повинуясь порывам вдохновения, и тут даже солидные отцы семейств заразились всеобщей любовью к нему. Однажды холодной зимней ночью он покинул постель только ради того, чтобы окрестить в лохани младенца прачки, и паства просто не знала, как выразить ему свою благодарность. Церковные старосты и те расщедрились, и по их настоянию приход полностью оплатил нечто вроде караульной будки на колесах, которую младший священник заказал себе для выездов на погребения в дождливую погоду. Одна бедная женщина, разрешившаяся от бремени четырьмя близнецами, получила от него три пинты каши и четверть фунта чая, — прихожане снова умилились. Он предложил начать подписку в ее пользу — роженица была обеспечена на всю жизнь. На собрании под лозунгом «Долой рабство!», созванном в ресторации «Коза и Ботфорты», он говорил час двадцать пять минут — восторг прихожан достиг своего предела. Было решено преподнести ему какой-нибудь ценный подарок в знак благодарности за его неоплаченные услуги приходу. Подписной — лист заполнили в мгновение ока, причем на сей раз наши прихожане не стали соперничать друг с другом, как бы увильнуть от взноса, а старались вырваться на первое место. Заказали великолепную серебряную чернильницу и выгравировали на ней приличествующую случаю надпись; младшего священника пригласили на завтрак все в ту же «Козу

и Ботфорты», где бывший церковный староста мистер Габбинс вручил ему дар прихода и в складной речи выразил чувства всех прихожан. Чернильница была принята с такими изъявлениями благодарности, что присутствующие не могли удержаться от слез — слуги и те размякли.

Казалось бы, что к этому времени популярность младшего священника достигла высшей точки. Ничуть не бывало. Он начал кашлять; четыре приступа между литанией и чтением апостола и пять во время вечерней службы. У младшего священника чихотка! Какое печальное и вместе с тем интересное открытие! Юные прихожанки и раньше были само сочувствие, сама заботливость, а теперь их рвение просто не знало удержу. Такой душечка, такой ангел — и вдруг чихотка! Этого нельзя перенести. Анонимные подношения в виде банок с черносмородиновым вареньем и леденцов от кашля, а также эластичные жилеты, фуфайки, шерстяные чулки и прочие предметы зимней экипировки в таком изобилии посыпались на младшего священника, будто он собирался в экспедицию на Северный полюс; изустные бюллетени о состоянии его здоровья передавались по приходу несколько раз на дню. Младший священник был в зените своей славы.

Приблизительно в это время в умонастроении прихожан произошла некоторая перемена. Почтенный, тихий и вечно сонный старичок, двенадцать лет служивший в нашей часовне, скончался в одно прекрасное утро, никого не предупредив о своих намерениях. Это обстоятельство оттеснило интерес к младшему священнику на задний план, а приезд нового священнослужителя заставил прихожан и вовсе забыть о нем. Новый пастырь был худой и бледный, большие черные глаза горели огнем на его изможденном лице, черные волосы висели длинными прядями; одевался он до последней степени неряшливо, изяществом манер похвалиться не мог и в проповедях высказывал крайне смелые суждения; короче говоря, это была полная противоположность младшему священнику. Наши прихожанки толпами повалили в часовню сначала потому, что у нового пастыря такой необычный вид, затем потому, что у него такое выразительное лицо, затем потому, что он так хорошо читает проповеди, и, наконец, потому, что, воля ваша, а в нем есть что-то не поддающееся описанию. О младшем священнике ничего дурного не скажешь, но, воля ваша, а нельзя же отрицать, что он... он... словом, к нему уже привыкли, а тот, другой, всем в новинку. Изменчивость общественного мнения давно вошла в пословицу — прихожане один за другим перекочевали в часовню. Младший священник мог сколько угодно заходиться от кашля — это ничему не помогало. Он дышал через силу — это равным образом ни в ком не пробуждало сочувствия. В нашей приходской церкви снова можно спокойно занять любое место, а часовню собираются расширять, так как по воскресеньям молящиеся задыхаются в ней от тесноты.

Наибольшей известностью и наибольшим почетом среди жителей нашего прихода пользуется одна старая леди, поселившаяся здесь задолго до того, как имена многих из нас занесли при крещении в церковную книгу. Приход наш находится в городском предместье, а старая леди живет в одном из тех хорошеньких домиков, что стоят в самом лучшем его переулке. Домик этот ее собственный, и все в нем, за исключением самой хозяйки, чуть постаревшей за последние десять лет, остается таким же, как было при жизни старого джентльмена — его хозяина. Маленькая гостиная, где старая леди обычно проводит дни, являет собой

образец нерушимого покоя и порядка; ковер там покрыт суровой холстиной, рамы зеркал и портретов аккуратно обтянуты желтой кисеей; стол освобождается от чехла лишь в тех случаях, когда его раздвижные доски натирают скипидаром и воском, каковая операция проводится через день ровно в половине десятого утра; разные безделушки и сувениры занимают раз и навсегда отведенные им местечки. Большая часть этих безделушек — подарки девочек с той же улицы, но двое старинных часов (которые показывают разное время, причем одни на четверть часа отстают, а вторые на четверть часа спешат), маленькая литография — принцесса Шарлотта и принц Леопольд² в королевской ложе театра Друри-Лейн — и еще два-три сувенира уже многие годы украшают эту гостиную. Старая леди сидит здесь целыми днями и быстро вяжет что-то, глядя на свое вязанье сквозь очки. Летом кресло ее передвигают поближе к окну, и стоит ей только увидеть, что вы поднимаетесь по ступенькам крыльца, как она бежит открыть вам дверь, не дожидаясь вашего стука (разумеется, если вас любят в этом доме), и так как вы утомились после прогулки по жаре, вам прежде всего дадут выпить два стаканчика хереса, и лишь тогда позволят приступить к беседе. И в вечерние часы она встретит вас приветливо, но вид ее покажется вам более серьезным, а на столе вы увидите открытую библию, из которой Сара, такая же любительница раз и навсегда заведенных порядков, как ее хозяйка, ежедневно прочитывает вслух две-три главы.

Гостей старая леди почти не принимает, если не считать вышеупомянутых девочек, а им каждой назначен определенный день для визита, и малышки ждут не дождутся своей очереди, считая эти приглашения к чаю величайшим удовольствием в жизни. Сама старая леди редко куда ходит дальше, чем через дом справа и слева, а когда ее приглашают туда на чаепитие, Сара бежит вперед и громко стучит в дверь, чтобы ее хозяйка, боже упаси, не простудилась, дожидаясь, пока ей откроют». Старая леди чрезвычайно щепетильна в вопросах этикета — на каждое приглашение следует ответный прием, и когда она просит пожаловать к себе мистера и миссис таких-то и супружескую чету такую-то, обе они с Сарой наводят блеск на спиртовку и чайник, перемывают праздничный чайный сервиз, сметают пыль с доски для игры в «Папессу Иоанну»³ и торжественно принимают гостей в самой парадной комнате. Родных у старой леди раз-два и обчелся, они разбросаны по всей Англии и редко видятся с ней. О сыне, который служит в Индии, она отзывается как о прекрасном молодом человеке с завидной внешностью — в профиль вылитый покойный отец, вон его портрет над буфетом... и тут же добавляет, грустно покачивая головой, что ей много пришлось перестрадать из-за сына, и был такой случай, когда он чуть не разбил ее материнское сердце, но оно, с помощью божьей, преодолело тяжкое испытание, и теперь лучше об этом не вспоминать. На попечении старой леди много бедняков, и по субботам, когда она возвращается с рынка, в передней у нее, как на дворцовом приеме, толпятся старики и старушки, ожидающие своего еженедельного вспомоществования. Ее имя всегда возглавляет подписные листы на благотворительные цели, и ее взносы в пользу «Общества по распределению угля и супа в зимние месяцы» всегда самые щедрые. Она пожертвовала двадцать фунтов стерлингов на орган для нашей приходской церкви и, услышав в первую же воскресную службу, как органист аккомпанирует детскому хору, так расчувствовалась, что старушке, хранящей ключи от скамей, пришлось под руку вывести

ее на свежий воздух. Появление ее в церкви по воскресным дням всякий раз вызывает легкий шум на боковых скамьях, так как бедняки, сидящие там, встают, и кто отвешивает поклон, кто приседает, а тем временем хранительница ключей ведет старую леди на ее постоянное место, сама делает почтительный реверанс и уходит, прикрыв за собой дверцу. Точно такая же церемония повторяется и после конца службы. В сопровождении семьи, которая живет через дом от нее, старая леди покидает церковь и, для начала спросив самого юного своего спутника, откуда священник взял текст для проповеди, всю дорогу обсуждает ее.

Так проходит эта скромная жизнь, в которую вносят разнообразие только ежегодные поездки в какое-нибудь тихое местечко у моря. Вот уже много лет ничто не нарушает ее мирного течения, и не далек тот день, когда она подойдет к концу. Старая леди ждет своего последнего часа спокойно, бестрепетно. Надежды не обманут ее, ибо страшиться ей нечего.

Теперь мы познакомим вас с фигурой, весьма примечательной в нашем приходе, хоть и несколько не похожей на старую леди. Это обитатель соседнего с ней дома морской офицер в отставке, чье беззастенчивое и даже дерзкое поведение иной раз вносит заметное расстройство в ее хозяйственные дела. Начать с того, что отставной капитан имеет привычку курить сигары в садике перед домом, и когда после курения его вдруг одолевает жажда а это бывает довольно часто. — он дотягивается тростью до молотка на двери своей соседки и требует, чтобы ему подали через ограду стакан эля. Вдобавок к этой бесцеремонной повадке он считает себя мастером на все руки или, пользуясь его же словами, «настоящим Робинзоном Крузо», и больше всего на свете любит производить разные опыты во владениях старой леди. Так однажды утром он поднялся чуть свет и высадил на клумбы перед ее домом распутившиеся ноготки, а она, выглянув утром в окно, приняла их с перепугу за какую-то странную сыпь, высыпающую за ночь у нее в саду. В другой раз этот мастер на все руки разобрал часы с недельным заводом, стоявшие у старой леди на лестничной площадке, заявив, будто бы они нуждаются в чистке, и собрал их снова, но сборка была произведена таким удивительным, ранее никому не известным способом, что с тех пор часовая стрелка никак не хочет отставать от минутной. Увлечшись ни с того ни с сего разведением шелковичных червей, он по несколько раз на дню посещал старую леди и показывал ей своих питомцев, причем каждое такое посещение кончалось тем, что два-три червяка уползали у него из коробочки. Вследствие этого однажды утром на лестнице был обнаружен весьма дородный червяк, который поднимался по ступенькам, видимо решив проведать своих друзей, так как при дальнейшем обследовании выяснилось, что его сородичи устроились на жительство по всему дому. Старая леди, доведенная шелковичными червями до полного отчаяния, уехала к морю, и пока она отсутствовала, предприимчивый сосед ухитрился стереть начисто ее имя с дверной дощечки, задавшись целью придать ей блеск с помощью азотной кислоты.

Но все это пустяки по сравнению с теми бесчинствами, которые старый капитан позволяет себе на общественном поприще. Он не пропускает ни одного собрания прихожан, спорит с представителями власти, мечет громы и молнии на церковных старост, обвиняя их в расточительстве, грозит судом письмоводителю, заставляет сборщика налогов обивать пороги своего дома, и когда гот окончательно падает духом, посылает ему деньги через третье лицо; придирается к